

использование элементов регионального бренда, которые соответствуют требованиям предъявляемым авторским правом к производству.

Заключение. Таким образом, исследуемый способ создания регионального бренда не может обеспечить его надлежащую правовую охрану. На наш взгляд, символы, составляющие региональный бренд, следует регистрировать в качестве товарного знака или нескольких товарных знаков, а также некоторые элементы возможно регистрировать в качестве промышленных образцов и только затем закреплять порядок предоставления права на их использование в нормативном правовом акте субъекта РФ. Также необходимо регистрировать указанные объекты интеллектуальной собственности, составляющие региональный бренд, в других странах, в которые осуществляется экспорт продукции региональных производителей, что усилит правовую охрану бренда. Данный способ позволит эффективнее пресекать случаи незаконного использования бренда недобросовестными производителями, чем привлечение к административной ответственности за нарушение законодательства субъекта РФ в сфере использования регионального бренда.

1. Бренд // Словарь бизнес-терминов. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/19353/%D0%91%D0%A0%D0%95%D0%9D%D0%94> (дата обращения: 19.08.2020)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 18.08.2020)
3. Кодекс Республики Дагестан об административных правонарушениях от 13.01.2015 № 10 (принят Народным Собранием РД 25.12.2014) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: <https://tinyurl.com/y2exbql6> (дата обращения: 18.08.2020)
4. Постановление Правительства Республики Дагестан от 28.03.2016 г. № 64 «Об утверждении представительского (имиджевого) знака «бренд «Дагестан» Республики Дагестан» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=8252623B2720EA435276EA07E82B481A&SORTTYPE=0&BA_SENODE=23898&ts=70620840406983707106577732&base=RLAW346&n=28007&rnd=0.27630124087695296#03629727607876727 (дата обращения: 18.08.2020)
5. Постановление Правительства РД от 23.12.2016 № 400 «Об утверждении Порядка использования представительского (имиджевого) знака «Бренд «Дагестан» Республики Дагестан и о внесении изменения в Положение о Министерстве промышленности и торговли Республики Дагестан» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=8252623B2720EA435276EA07E82B481A&SORTTYPE=0&BA_SENODE=23898&ts=70620840406983707106577732&base=RLAW346&n=31986&rnd=0.27630124087695296#01252615442970535 (дата обращения: 18.08.2020).

К ДЕФИНИЦИИ «СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПОЗНАНИЯ» В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Сивко Е.С.,

*студентка 4-го курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Мороз Н.В., старший преподаватель*

Понятие «специальные познания» наиболее подробно рассматривается в трудах ученых-процессуалистов и криминалистов. Однако в законодательстве Республики Беларусь, а именно в статье 96 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь содержится лишь упоминание о данном определении.

Целью исследования является выявление особенностей в определении специальных познаний в гражданском процессуальном законодательстве Республики Беларусь.

Материал и методы. Научно-теоретической основой являются нормативные правовые нормы, труды ученых-правоведов, процессуалистов и криминалистов, рассматривающих вопросы по определению понятия «специальные познания». При написании статьи был использован метод толкования права и сравнительно-правовой метод. Для систематизации различных точек зрения по данному вопросу были использованы такие методы, как анализ и сравнение.

Результаты и их обсуждение. Согласно статье 96 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь в качестве эксперта может быть назначено любое лицо, обладающее специальными познаниями в области науки, техники, искусства и иных сферах деятельности [3].

Эйсман А.А. полагал, что специальные познания – это «знания, которыми располагают ограниченный круг специалистов». Данный автор является одним из первых, кто дал определение рассматриваемому понятию [1, с. 155].

Из многочисленных взглядов ученых можно выделить мнение Корухова Ю.Г., который утверждал, что: «Специальные знания – совокупность знаний в определенной области науки, техники и искусства, применяемых в целях доказывания» [2, с. 311].

Белкин Р.С. признает, что к специальным познаниям относятся «профессиональные знания и умения в области науки, техники, искусства и ремесла, необходимые для решения вопросов, возникающих при расследовании и рассмотрении в суде конкретных дел» [2, с. 310].

Такое же мнение поддержала Россинская Е.Р., и также выдвинула довольно четкое определение специальным познаниям. Она определяет, что: «Специальные познания – система теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки или техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем прохождения специальной подготовки или обретения профессионального опыта и используемых для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного и гражданского судопроизводства» [1, с. 156].

Рассматривая различные мнения ученых-процессуалистов и криминалистов, можно выделить следующие признаки специальных познаний, а именно:

1. знания не являются общеизвестными и общедоступными;
2. знания распространяются на узкий круг специалистов;
3. знания приобретаются за счет образования и опыта;
4. знания являются научными и профессиональными;
5. знания могут являться результатом практической деятельности.

При этом в теории гражданского процесса может употребляться как термин «специальные познания», так и термин «специальные знания». При этом большинство авторов-процессуалистов используют понятия «специальные познания» и «специальные знания» в процессе одного научного исследования, считая их синонимами.

Однако некоторые ученые все же находят различие между данными понятиями утверждая, что специальными познаниями может быть «любой процесс уяснения сущности явлений и предметов», а специальные знания являются результатом обработки и переработки данного процесса субъектом познания, т.е. субъект познания в своей практической деятельности, таким образом получает новые знания, соответствующие его деятельности [1, с. 158].

Отметим, что многие авторов выделяют пределы использования специальных познаний в гражданском судопроизводстве. Например, российский ученый Мохов А.А. выделяет правовые и иные пределы использования специальных познаний в гражданском судопроизводстве [2, с. 313].

Так, под правовыми пределами автор понимает «пределы, которые определяются законом или судом». При этом учитываются правила достоверности, относимости и допустимости.

Специальные пределы, по его мнению, «определяются возможностями науки, техники и экспертной практики».

Выделяют еще один предел использования специальных познаний – «получение судом сведений о нормах иностранного права». Для того, чтобы получить данные сведения, суды имеют право «обратиться к компетентным органам соответствующего государства». При этом некоторые ученые считают данный предел использования специальных знаний не эффективным, так как могут возникнуть сложности при толковании норм иностранного права.

Заключение. Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что понятие «специальные познания» употребляется, однако не раскрывается в статье 96 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь.

В связи с тем, что неправильное толкование данной нормы может привести к судебным ошибкам, поэтому для более четкого и точного понимания термина «специальные познания» статью 96 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь предлагаем изложить следующим образом: «В качестве эксперта может быть назначено

любое лицо, обладающее специальными познаниями, а именно знаниями в области науки, техники, искусства и иных сферах деятельности, полученными в ходе специальной подготовки, имеющие важное значение для разъяснения вопросов, возникающих при рассмотрении конкретных дел».

1. Васьковский, Е. В. Учебник гражданского процесса: учеб. пособие / Е. В. Васьковский. – Краснодар: Тесей, 2003. – 267 с.
2. Гражданский процесс. Общая часть: учеб. пособие / Т. А. Белова [и др.]; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. – 2-е изд. – Минск: Амалфея, 2006. – 576 с.
3. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 11 января 1999 г., № 238-З: принят Палатой Представителей 10 декабря 1998 г.: одобр. Советом Республики 18 декабря 1998 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 17 июля 2020 г., № 45-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

ДА ПЫТАННЯ АБ ПРАЦЯГЛАЙ КАНТРАБАНДЗЕ

Сілаеў С.А.,

*старшы выкладчык КемДУ, г. Кемерава, Расійская Федэрацыя
Навуковы кіраўнік – Чарненка Т.Г., доктар юрыд. навук, прафесар*

Практычная рэалізацыя асноватворных прынцыпаў законнасці і справядлівасці з’яўляецца амаль немагчымай без забеспячэння правільнай кваліфікацыі злачынстваў у кожнай крымінальнай справе. Істотную ролю ў гэтым адыгрывае належнае прымяненне палажэнняў не толькі Асаблівай, але і Агульнай часткі крымінальнага заканадаўства, у тым ліку тых, што датычаць размежавання паўторнасці (тоеснай рэальнай сукупнасці) злачынстваў і працяглага злачынства. Пры гэтым у апошнія гады даследчыкі феномена працяглага злачынства засяроджваюцца галоўным чынам на такіх дзеяннях, як раскраданні ў розных формах, хабарніцтва, незаконнае абарачэнне наркатыхчых сродкаў і псіхатропных рэчываў, зрэдку таксама – згвалтаванні і гвалтоўныя дзеянні сексуальнага характару [3; 4], пакідаючы ў баку шматлікія крымінальныя праявы ў гаспадарчай сферы, дзе праблема адрознення адзінкавага злачынства ад іхняй множнасці стаіць не менш востра. З іншага боку, аўтары найноўшых манаграфічных даследаванняў кантрабанды таксама не надаюць ніякай увагі праблеме працяглага злачынства [2; 5].

Мэтай працы з’яўляецца ўдакладненне крытэрыяў наяўнасці працяглага злачынства ў выпадках кантрабанды.

Матэрыял і метады. У якасці матэрыялаў для даследавання выкарыстоўваюцца дзеючае расійскае і беларускае крымінальнае заканадаўства, кіраўнічыя тлумачэнні Пленумаў Вярхоўных Судоў Расійскай Федэрацыі і Рэспублікі Беларусь, а таксама працы айчынных навукоўцаў-карністаў па адпаведнай тэматыцы. Даследаванне грунтуецца на юрыдыка-дагматычным метады з элементамі параўнальнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Нягледзячы на тое, што, як на нашу думку, нацыянальным заканадаўцам варта было б увогуле адмовіцца ад таго, каб караць за кантрабанду як за асобнае самастойнае злачынства, яна ўсё ж сёння прадугледжваецца ў крымінальных кодэксах Расіі і Беларусі, прычым вельмі казуістычна. У выніку мы маем цэлы шэраг “гатункаў” кантрабанды, якія аказваюцца пасяганнямі на розныя відавныя і нават радавныя аб’екты. Пры гэтым аб’ектыўны бок “эканамічнай” (“таварнай” ды “валютнай”) кантрабанды сфармуляваны ў нашых крымінальных законах як незаконнае перамяшчэнне прадмету праз мытную граніцу Еўразійскага эканамічнага саюзу (гл. арт. 200.1, 200.2 КК РФ, арт. 228 КК Беларусі), тады як у выпадках кантрабанды прадметаў, абмежаваных у абарачэнні, што лічыцца замахам на грамадскую бяспеку, гаворка ідзе аб перамяшчэнні праз мытную граніцу ЕАЭС або праз адпаведную дзяржаўную граніцу (гл. арт. 226.1 і 229.1 КК РФ; арт. 328.1 і 333.1 КК Беларусі). Як відаць, логіка тут такая: гаспадарка ў нас агульная, а нацыянальная бяспека ў кожнага свая.

Адсюль вынікае даволі спецыфічная форма працяглай кантрабанды – увоз прадмету, абмежаванага ў абарачэнні, на тэрыторыю адной дзяржавы-удзельніцы адзінай мытнай прасторы транзітам праз тэрыторыю іншай дзяржавы ў складзе ЕАЭС. На гэта адмыслова